

Два года спустя.

Двухсоттысячная армия империи Чэнь грозно выстроилась у подножия горы Цзянцзюнь, а напротив, подобно бушующему морю, раскинулись монгольские войска.

Две армии насчитывали четыреста тысяч воинов, но ни единое ржание коня не пронзало тишину. Снежинки кружились в воздухе, и в памяти Дуань Лина вновь зазвучала мелодия той песни.

Монгольские ряды расступились, и Борджигин Бату, облаченный в доспехи, вышел вперед. Дуань Лин, управляя боевым конем, выехал к переднему краю строя, и двое замерли друг напротив друга, разделенные полем.

Поднимался сильный ветер, и боевые знамена Чэнь и Юань шумно развевались на пронзительном холоде.

— Пора начинать, — тихо произнес Дуань Лин.

У Ду, с ног до головы облаченный в черные доспехи, неторопливо подъехал к нему.

Снежная буря, кружась в бескрайней выси, словно несла с собой мириады душ богов войны. Как падающие звезды, они прочерчивали небо серебряными следами, и каждая, достигнув поля битвы, обретала облик тех, кто веками защищал земли Южной Чэнь. Они подгоняли своих благородных коней, мчась галопом по воздуху.

— Пора начинать битву! — прогремел чей-то голос. — В атаку!

Се Ю в своих черных доспехах выехал к переднему строю.

— Воины Великой Чэнь! — голос Дуань Лина и решительный крик Се Ю слились воедино.

В ответ, подобный реву океана, раздался возглас армии.

Серебряная река над головой рассыпалась в безбрежный вихрь света, и в этой звездной пыли верхом на Белом Тигре Запада парил одинокий всадник, расправивший крылья бога войны за спиной.

Белый Тигр Запада — владыка всех клинков Поднебесной!

Он мчался по воздуху с самого края горизонта, где небо сливается с землей, озаряя поле битвы серебряным сиянием.

— Готовы ли вы умереть за Его Величество?!

И снова в ответ на призыв раздался единый яростный рев, который, казалось, сдвинет горы и заполнит моря, сотрясая небо и землю.

— Сын мой...

Нежный голос прозвучал рядом с Дуань Лином. Ли Цзяньхун в сияющих доспехах, окутанный светом звезд и луны, словно призрачный дух героя, с Чжэньшаньхэ в руке, устремился к вражеским рядам.

— Отец...

В зрачках Дуань Лина отразились сверкающие созвездия и вечная Серебряная река.

Она была там всегда.

И спустя тысячелетия останется неизменной.

— В бой! — Чжэньшаньхэ в руке Дуань Лина взметнулся в сторону горизонта.

В тот же миг двести тысяч воинов Южной Чэнь, под покровительством душ предков, павших в бесчисленных битвах, обрушились на монгольские войска.

В тысяче ли от поля брани, в Цзянчжоу, в небе тихо клубился мелкий снег. Ли Яньцю стоял на верхнем этаже заднего павильона дворца, наблюдая за кружащимися в воздухе снежинками.

— Сегодня они должны достичь горы Цзянцзюнь, — произнес Ли Яньцю. — Брат... присмотри за Жо-эром.

На заснеженных просторах у подножия Цзянцзюнь авангарды обеих армий по сигналу рогов ринулись в атаку. Воины нового Северного командования, взметая снежную пыль, врезались в строй противника.

Мгновения этой битвы навеки вошли в исторические хроники. Летописцы сохранили множество эпизодов: как Чжэн Янь повел свои войска в обход противника, но, получив ранение, отступил. Как У Ду, сражаясь до последнего, был сбит с коня, но Дуань Лин бросился

в гущу схватки и вынес его из боя. Как монгольский армейский инспектор Тимур пал от меча У Ду.

Цинчатай, подчиненный Цагана-Тэмур*, был сражён стрелой, но его войска отчаянно бились до конца, не отступая ни на шаг.

* Тимур, Цинчатай, Цаган-Тэмур – имена реальных исторических личностей, живших в разное время.

Се Ю повел армию в обход, атаковав монголов с фланга, однако благодаря умелой тактике Борджигина Бату, схватка затянулась, не принеся решающего успеха.

Четыре сотни тысяч воинов сошлись у подножия Цзянцзюнь, залив кровью бескрайние снежные равнины. Вход в ущелье превратился в огромную мясорубку. Войска Чэнь почти мгновенно захватили преимущество, но монголы, даже под градом ударов, не отступали. Когда их, оттесненных отрядом Чжэн Яня, стали сбрасывать со скал, падающие тела спровоцировали цепную реакцию снежной лавины.

Сотни монгольских воинов сорвались с обрыва, и снежная лавина погребла под собой десятки тысяч солдат, но и армия Чэнь оказалась разделена на две части.

Дуань Лин, возглавив засаду, атаковал Бату. В первой же схватке он сбил его стрелой с коня, но Амга, рискуя жизнью, бросился вперед, вырвал Бату из рук противника и увлек его обратно в свои ряды.

— Схватите его! — кто-то проревел на монгольском. — Только захватите его — и победа наша!

К этому моменту монголы, истекая кровью, уже потеряли в лавине столько сил, что их армия сократилась до менее чем ста двадцати тысяч. Но, загнанные в угол, они сражались с безумной яростью, отчаянно пытались в хаосе битвы захватить наследника Чэнь и сломить волю врага.

Войска Чэнь встретили еще более ожесточенное сопротивление. Основные силы были рассеяны, а авангард У Ду и центральный отряд Дуань Лина оказались разделены лавиной.

— Ваше Высочество! Они наступают! — раздался чей-то крик.

— Сколько их? — спросил Дуань Лин, вокруг которого осталось чуть более двух тысяч бойцов. Остальные были с Се Ю.

— Двадцать тысяч! — прокричал кто-то.

— Обходим ущелье! — резко скомандовал Дуань Лин. — Нужно как можно скорее встретиться

с авангардом! Мы уже победили! Это их последние силы!

Двадцать тысяч монголов ринулись в атаку по склону. Снег обрушился, словно цунами, и под прикрытием личной охраны Дуань Лин устремился к выходу из ущелья.

— Я задержу их! — крикнул Шулюй Жуй. — Уходите, Ваше Высочество!

Дуань Лин обернулся. Шулюй Жуй уже снова собрал отряд, чтобы сдержать преследующих его монгольских воинов. Схватка вспыхнула мгновенно. Часть врагов прорвалась сквозь оборону и устремилась к Дуань Лину.

Отряд телохранителей защищал Дуань Лина, прорываясь к концу ущелья, однако впереди на них уже обрушилась новая волна атаки — тысячи солдат неслись вперед.

— Бэнь Сяо! Полагаюсь на тебя! — крикнул Дуань Лин.

Шальная стрела вонзилась в него, но доспехи Белого Тигра приняли удар на себя. Несмотря на боль, он ворвался в самую гущу схватки. Перед ним возник воин с левой ладонью, туго перевязанной тканью, держащий в руках двуручный меч. С размаху монгол обрушил клинок на голову Дуань Лина!

Меч сверкнул в воздухе, и Дуань Лин увидел искаженное яростью окровавленное лицо Амги. Однако отступить было некуда — он подставил плечо, принимая сокрушительный удар на себя!

Но в тот момент, когда мощная сила уже готова была раздробить плечо Дуань Лина, вдруг промелькнула черная тень, ступила ногой на седло, ловко подхватила его и левой рукой нанесла удар по клинку. Оглушительный звон больно пронзил барабанные перепонки Дуань Лина.

Незнакомец прижал его к себе и прыжком оторвался от Бэнь Сяо. Конь же ринулся в самую гущу схватки, увлекая за собой тысячи преследователей.

Дуань Лин упал в снег, но чья-то сильная рука схватила его. Их пальцы переплелись, и его вытащили из сугроба. Скользя безмянным пальцем, он почувствовал, что у спасителя отсутствует мизинец.

— Убейте их! — проревел Амга.

— Лан Цзюнься?! — дрожащим голосом выдохнул Дуань Лин.

Лан Цзюнься был одет в потрепанную, выцветшую боевую одежду, которая висела на нем лохмотьями.

— Как долго ты следил за мной? — спросил Дуань Лин. — Как ты вообще здесь оказался?!

— Тсс, — прервал его Лан Цзюнься. — Не задавай вопросов.

В его глазах мелькнула усмешка. Он поднес правую руку к губам и резко свистнул. Бэнь Сяо галопом вернулся к ним.

— На коня! — крикнул Лан Цзюнься, подсаживая Дуань Лина в седло, а затем вскочив сам.

— Готовь лук! — сказал он. — Тебе не холодно?

Дуань Лин был облачен в доспехи, а его брови и волосы покрыты снегом. Бэнь Сяо резко остановился, оказавшись лицом к лицу с тысячным отрядом монголов под предводительством Амги.

— Нет... не холодно, — ответил Дуань Лин. — Мне тепло.

— У тебя даже голос дрожит, — заметил Лан Цзюнься. — Где твой лук?

Дуань Лин снял лук и крепко сжал его в руке. Амга швырнул двуручный меч в снег и выхватил с пояса длинный клинок. Монгольские войска синхронно отступили, готовясь к решающей атаке.

— Ты обречен, наследный принц, — прорычал Амга. — Теперь некому тебя защитить.

— У него еще есть я, — тихо произнес Лан Цзюнься. Он сидел верхом, прикрывая собой Дуань Лина. Его ясный взгляд скользил по тысячам монгольских воинов перед ними и лучникам на скалах, уже натянувшим тетиву и направившим стрелы в центр поля боя.

Дуань Лин нацелил лук вдаль, затаив дыхание от напряжения.

— Видел письмо? — спросил Лан Цзюнься.

— Какое письмо? — нахмурился Дуань Лин.

Лан Цзюнься ненадолго замолчал, а затем ответил:

— В ножнах Цинфэнцзяня. Этот меч не из лучших... но я постараюсь продержаться. Теперь твоя очередь защищать меня, Дуань Лин. Амга на мне, а с остальными разберись сам.

Сердце Дуань Лина словно остановилось, когда он выпустил первую стрелу. Вслед за этим Лан Цзюнься крикнул:

— Вперед!

Бэнь Сяо, неся двоих на спине, рванул к выходу из ущелья. В тот же миг тысячи монгольских воинов во главе с Амгой ринулись за ними в атаку!

Дуань Лин стрелял в строй врага с максимальной скоростью — стрела за стрелой.

В момент, когда две стороны сошлись, Лан Цзюнься резко развернулся, бросился на Амгу и поднял меч вверх, встречая удар его длинного клинка!

«В этой жизни всегда найдется тот, кто защитит тебя. Тебе нет нужды стоять передо мной...»

«Если я не смогу защитить тебя, то не выполню свой долг. Если этот день когда-нибудь наступит, то даже если я не умру, кто-нибудь придет лишить меня жизни. Но это неважно. После моей смерти, естественно, найдется множество других людей, которые выстроятся перед тобой в очередь, чтобы заслонять собой клинки и глотать ради тебя мечи...»

Голос звучал так, словно доносился из далека, но в то же время будто раздавался прямо у уха.

В миг, когда они пронеслись мимо друг друга, Лан Цзюнься и Амга скрестили клинки.

Амга вонзил меч в грудь Лан Цзюнься, но тот резко схватил лезвие правой рукой, сжав ладонь, и заблокировал удар. Клинок застрял между его ребер, не сумев пробить лопатку и ранить Дуань Лина за спиной.

Затем Лан Цзюнься изящным движением взметнул длинный меч и беззвучно пронзил им горло Амги.

Бэнь Сяо промчался сквозь вражеский строй, оставляя за собой вихрь снежной пыли, и умчался вдаль, оторвавшись от преследователей. Дуань Лин оглянулся и закричал:

— Мы прорвались!

— Отлично... — с трудом выдохнул Лан Цзюнься.

— Ты ранен! Лан Цзюнься! — Дуань Лин дотронулся до его спины и отдернул руку, залитую кровью. Из спины Лан Цзюнься торчал крошечный обломок клинка.

Бэнь Сяо мчался все дальше, он ворвался в лес, покинул чащу и прыгнул со скалы, а затем помчался вниз по заснеженному склону, вздымая за собой бешеные волны снега, пока не вынес их обоих в овраг.

В глубоком ущелье, среди заснеженных просторов, Лан Цзюнься пошатнулся и рухнул на землю.

Дуань Лин спрыгнул с коня, и, спотыкаясь, побежал назад. Лан Цзюнься, едва стоя на ногах, пытался подняться из снега, но силы покидали его.

Дуань Лин увидел торчащий из груди Лан Цзюнься длинный клинок и издал отчаянный вопль. Но тот резко оттолкнул его.

— Не... смотри, — хрипло произнес Лан Цзюнься, кровь выступила на его губах. Он шатаясь выпрямился, вырвал клинок из груди, с кашлем выплюнул кровь и рухнул навзничь.

Дуань Лин бросился вперед — Лан Цзюнься упал прямо в его объятия.

Поднялся порывистый ветер, и снег, кружась на ветру, заслонил все вокруг на многие ли.

Посреди метели Дуань Лин стоял на коленях в бескрайней снежной пустыне. Лан Цзюнься лежал в его объятиях, с трудом подняв дрожащую руку, чтобы коснуться его лица.

— Лан Цзюнься... — произнес Дуань Лин, подавляя слезы. — Зачем ты вернулся?

Легкая улыбка тронула губы Лан Цзюнься.

Они словно вернулись те далекие годы, в ту тихую ночь в Шанцзине, когда он тоже лежал в снегу, а маленький Дуань Лин, из последних сил, тащил его обратно в дом.

— Потому... что... я...

— Хотел... увидеть... станешь ли ты... хорошим...

— Маленьким...

— ...императором.

К тому времени, когда У Ду и его армия нашли их, Лан Цзюнься лежал, прильнув к Дуань Лину, а его рука с четырьмя пальцами безвольно раскинулась на снегу. Дуань Лин рыдал, судорожно сжимая его в объятиях.

Их тела покрылись толстым слоем снега. Мелкие хлопья падали безостановочно, укутывая и мертвых, и живых, словно сама вечность раскинула над миром белое покрывало, простирающееся на тысячи ли.

Двенадцать лет назад другой человек прыгнул с этого утеса, уносясь в вихре снега к новой жизни. За эти двенадцать лет цветы распускались и увядали, весны сменяли друг друга. Нежное время уже давно скрыло все под своим покровом, легкой гладью, не оставив ни малейшего следа.

Дуань Лин рыдал так, будто его душа рвалась на части, и слезы падали на снег, превращаясь в льдинки. Он тряс руку Лан Цзюнься, будто надеясь, что та ладонь с отсутствующим пальцем еще сможет сжать его руку в ответ.

Будто время застыло в том сумеречном вечере в Шанцзине, когда он вел его за руку в Прославленный зал, а Дуань Лин все норовил вырваться и убежать домой без оглядки.

Зимой пятого года правления Цзинь у подножия горы Цзянцзюнь армия Чэнь после трех дней и ночей кровопролитной битвы отбросила монголов на триста ли к северу от Юйбигуань.

В шестом месяце шестого года правления Цзинь Борджигин Бату вручил письмо о капитуляции, и монголы отступили за Великую стену, переместившись к западу от уйгуров.

Границы между Ляо и Чэнь были пересмотрены: земли к востоку от Юйбигуань, включая провинцию Хэбэй, полностью отошли Чэнь, а Ляо вернула контроль над территориями к северу от Шанцзина и четырьмя сотнями ли гор Сянбэй.

В седьмом месяце шестого года правления Цзинь наследный принц Чэнь Ли Жо, завершив передислокацию войск в провинции Хэбэй, с триумфом вернулся в столицу. С этого момента мир был разделен между Ляо и Чэнь, а монголы отступили за северо-западные границы, заключив столетний договор и обязуясь более не пересекать установленные рубежи.

Седьмой день седьмого месяца.

Серебряная река тянулась по всему горизонту, словно лента. В ночь возвращения ко двору Дуань Лин подробно описал битву у горы Цзянцзюнь, но умолчал о гибели Лан Цзюнься.

Ушедшие в вечность не могут умереть вновь; он постепенно начал постигать уроки, которые

Ли Яньцю пытался ему преподавать.

Если бы тогда Лан Цзюнься не появился вновь, Дуань Лин не смог бы вернуться живым в Цзянчжоу.

Жизнь и смерть подобны мимолетному сну, а взлеты и падения — приливам и отливам океанских волн.

— Да благословят Небеса наследного принца Великой Чэнь! — после завершения доклада Ли Яньцю поднял чашу.

Сановники шумно болтали, а затем единодушно подняли свои чаши. В каждой из них мерцало отражение бесчисленных звезд, рассыпанных по ночному небосводу.

Шум придворных постепенно стих. Дуань Лин незаметно покинул пир и прошел через галерею в отстроенный Зал Белого Тигра в императорском саду. После возвращения ко двору он исполнил давний обет, данный перед богом созвездия Белого Тигра: перенес статую священного зверя во дворец, украсив его глаза нефритом. Они словно наблюдали за людскими радостями и печалью, за расцветом и упадком Великой Чэнь.

Когда он вошел в зал, позади неожиданно зазвучала мелодия — едва уловимая, она застыла среди садовых деревьев.

Дуань Лин замедлил шаг, а затем переступил порог.

По обе стороны статуи Белого Тигра лежали два меча: Цинфэнцзянь и Байхунцзянь.

Дуань Лин снял Цинфэнцзянь с оружейной стойки и заметил уголок бумаги, выглядывающий из ножен. Осторожно вытащив его, он разглядел лист при свете павильонных фонарей и увидел строки, написанные рукой Лан Цзюнься.

«Дуань Лин,

Это письмо написано мной в седьмой день седьмого месяца, в день твоего возвращения в Цзянчжоу. На сей раз я знаю, что ты скоро вернешься и больше уже не уедешь, поэтому решил оставить здесь для тебя пару слов.

Тысячи мыслей роятся в голове, и не знаю, с чего начать. Когда ты откроешь это письмо, я уже буду далеко. Прошу, когда прочтешь эти строки, не печалься. Древние говорили: «А живет человек между небом и этой землей так непрочно, как будто он странник и в дальнем пути*», и еще: «И наша жизнь — наплыв, что сон! А радостью живем, ну, много ль мы?». Видишь ли, в этом мире встречи редки, а разлуки часты. Нельзя удержать силой то, что уходит.

* Третье из девятнадцати древних стихотворений, перевод: Эйдлин Л.З.

Много лет назад я несколько раз мимолетно видел твою мать Сяовань, но эта встреча связала нас незримой нитью. Я пришел, снедаемый жаждой мести, но в итоге спас ее от шаньюя хунну. В благодарность за спасение Сяовань умоляла Ли Цзяньхуна снова и снова пощадить мою жизнь. А когда я провожал ее обратно в семью Дуань, она в шутку сказала: «Если родится сын — станет твоим учеником. Если дочь — выйдет за тебя замуж».

Я, обремененный местью за гибель своего рода и предавший учителя, как мог брать учеников или создавать семью? Тогда я не знал, что она уже носила тебя под сердцем. Ее слова стали пророчеством.

Я всего лишь убийца, вечно блуждающий в кровавом чистилище и отвергнутый миром. Твой отец приказал мне отправиться на юг, чтобы найти тебя. Увидев твои страдания в доме Дуань, я не мог не поднять руку на их семью и оставил в живых лишь старика, что торговал вонтонами, думая, что если судьба будет милостива, когда-нибудь, вернувшись в те места, я смог бы снова угостить тебя миской вонтонов.

Слезы Дуань Лина беззвучно падали на бумагу. Он поднял взгляд к нефритовым очам божества Белого Тигра, вспомнив тот год, когда Лан Цзюнься увез его из заснеженной Жунани в Шанцзин. Отец строго наставлял, а он сам понимал, что тот опозорил имя своей школы боевых искусств. Выращенный им с малых лет ребенок не должен был стать таким же холодным и безжалостным, как он сам, считающим человеческие жизни сорной травой.

Мои руки по локоть в крови — пути назад нет. Хоть твой отец и даровал мне прощение, я не хотел, чтобы ты узнал о моих чудовищных преступлениях. Одни рождаются под солнцем, другие — во тьме. Убийцы — из последних. После того дня, когда пришел Цзяньхун, я ушел, но недалеко. Не раз возвращался тайком, и, видя, как быстро ты привыкаешь к отцу рядом, радовался за тебя.

Когда Шанцзин оказался в опасности, Чжао Куй приказал мне взять тебя в заложники, чтобы остановить армию твоего отца, но, не получив от меня ответа, он отправил на твои поиски отряд Теневой стражи. Я не смел покинуть столицу, опасаясь подвоха, и потому день за днем скрывался рядом. Не мог открыто предупредить тебя — боялся, что Сюн Чунь не поверит, а Чжао Куй, узнав о предательстве, возьмет в заложники твоего дядю.

В ту ночь, когда ты возвращался с Елюй Цзунчжэнем, Теневая стража уже ждала в засаде, и мне пришлось напасть на него — иного выхода не было. Но даже тогда я недооценил врага, что привело к гибели твоего отца от рук Хэлань Цзе...

Когда твой отец вошел в Шанцзин, я не успел прийти на помощь, и после этого Хэлань Цзе стал преследовать тебя и Сюн Чунь. Я сражался с ним изо всех сил и отрубил ему одну из рук, но так как Сюн Чунь ранила меня во время нашей схватки, мои силы иссякли, и я получил новые ранения.

Как только мне удалось его задержать, я отправился за тобой в горы Сянбэй, но узнал, что ты разминулся с Цай Янем. Я искал тебя повсюду, но безуспешно, и решил, что ты погиб. Когда все мои надежды превратились в пыль, я опасался, что у твоего дяди нет наследника, а без принца в стране начнется смута. После смерти твоего отца власть военных усилилась, и контролировать их стало невозможно, поэтому я заставил Цай Яня взять твое имя и занять твое место.

Когда ты вернулся в Сычуань и кинжал доставили во дворец, Цай Янь собирался убить тебя, но я опередил его, дав тебе «Тихую смерть», чтобы казалось, будто ты умер. Однако Цай Янь послал за мной Теневую стражу. Раньше, спасаясь от людей Чжао Куя, я дважды сбегал через реку, поэтому я бросил тебя в воду, надеясь, что подводные течения вынесут тебя на берег.

На следующий день я хотел искать тебя у реки, но меня задержала Яо Чжэн. Она случайно заметила, как я покидаю город, и вместе с У Ду бросилась в погоню. По воле судьбы тебя спас У Ду. Я искал тебя везде, но безуспешно. Отчаяние сжигало меня, и я едва не покончил с собой.

К счастью, ваши с У Ду были связаны еще в Шанцзине, но я успокоился только после того, как понял, что его чувства к тебе искренни.

Канцлер Му был слишком могущественным, и от него было нелегко избавиться, а виновник смерти Цзяньхуна не был установлен. То, что Хэлань Цзе погиб от твоих рук, доказывает, что некоторые вещи продиктованы судьбой и имеют свое предназначение.

Когда представился случай, я убил Чан Пина и посеял взаимное подозрение между Цай Янем и Му Куандой, надеясь, что это поможет тебе. Теневая стража пыталась устроить засаду в Лояне, поэтому мне не оставалось ничего другого, как пойти на опрометчивый шаг и погнаться за тобой — я вовсе не хотел причинить тебе зла.

В шестнадцать лет я убил своего уважаемого учителя и уничтожил всю его школу, а затем мои странствия привели меня за пределы империи; я убивал ханьцев, киданей и монголов. К тому времени, когда под моим мечом погиб комендант Юйцюань, я почувствовал, что совершенные мною грехи уже настолько чудовищны, что никто не сможет меня простить. Но в двадцать семь лет я встретил тебя и благодаря тебе смог понять, что на земле наступает мир; как только все закончится и ты в будущем займешь трон, уверен, центральная равнина наконец обретет долгожданный мир и процветание. Таким образом, моя жажда мести уже утолена.

Пусть мир судит мои достижения и неудачи — мне все равно, но твои радости и печали всегда отзываются в моем сердце. Древние говорили: «Чаша вина — утешение для уставшей души». Для меня же нескольких лет, проведенных рядом с тобой, хватит, чтобы утолить всю тоску моей жизни.

Бумага коротка, а слов много — всего и не опишешь. К тому времени, когда ты будешь читать это письмо, я, возможно, уже вернусь в священные горы Сянбэй, где проведу остаток своих дней.

В будущем, когда я буду смотреть на земли центральной равнины, зная, что ты находишься в далеком Цзянчжоу, под той же сияющей рекой звезд, этого будет достаточно.

Лан Цзюнься»

Мелодия «Радость встречи», наполнявшая сад своим пронзительным звучанием, постепенно затихла, растворившись в тишине.

Дуань Лин сложил письмо и, стоя перед статуей Белого Титра, долго молчал.

— Прочитал? — У Ду вошел в павильон, остановившись у входа.

Он купался в звездном свете Сорочьего праздника*, а за его спиной мерцала бескрайняя Серебряная река.

* Праздник Ци Си, день возлюбленных. О легенде про пастуха и ткачиху писала в ранних главах. Праздник также называется «сорочьим», потому что сороки помогали пастуху и ткачихе встретиться, сцепляясь крыльями и образуя мост через «Небесную реку».

— Прочитал, — ответил Дуань Лин.

У Ду протянул руку, вытирая блестящие дорожки слез с его щек, и притянул к себе. Они стояли, обнявшись, под небосводом, где над миром раскинулась сверкающая Серебряная река.

Седьмое Седьмого.

От юга до севера, от горных хребтов до равнин, от рек до озер и морей, от древности до грядущего.

Словно под ясным небом ткачиха вытряхнула шелковое полотно, расшитое миллионами звезд, рассыпав их в мир смертных.

Как в туманном и прекрасном сне, в нем сплелись бесчисленные радости и печали, расставания смертных, их воссоединения и все дни их отчаянного веселья.

Седьмое Седьмого. Вчера звезда к мечам и обуви вернулась, и мир наполнился былыми ветром и луной*.

* Строка из стихотворения поэта династии Тан Чжао Гу. Само стихотворение малоизвестно.

Оно посвящено восхвалению заслуг министра Линху и было написано Чжао Гу в целях продвижения по службе. Однако, если посмотреть на эту строку под призмой сюжета новеллы, то она приобретает новый смысл: «Отпрыск прошлого императора, скитавшийся среди простого люда, ныне вернулся ко двору с почетом, а его история стала легендой, что передается из уст в уста в Поднебесной.» «Звезда» — так называли детей знатных родов в династию Тан. Выражение «Меч и обувь» указывает на высокий статус чиновника или военного, которым позволено при встрече с императором не снимать меч и обувь. «Ветер и луна» — как красивый пейзаж, так и романтика. «Мир», дословно «озера и реки» — мир за пределами императорского двора, глушь, мир цзянху.

Уж десять лет, как Поднебесная в раздорах -

В ней повстречались, хоть росли отдельно, я и ты.

И лишь когда я имя вдруг услышал в разговорах,

То вспомнил друга детских лет знакомые черты.

Проговорив всю ночь о потрясениях и смутах,

Мы не услышали, как колокол вечерний зазвонил.

В Балин ты уезжаешь завтра рано утром -

Приходит осень, горы снова тяжелы и холодны*...

* Стихотворение Ли И «Случайно повстречав младшего двоюродного брата». Перевод: Мария Исаева.

□Конец пятой книги: Говорим, пока не зазвонит вечерний колокол□

Отрывок момента с письмом Лан Цзюнься из аудио драмы:
<https://www.youtube.com/watch?v=j19Q37BVQnk>

<http://bllate.org/book/15657/1400685>